Мартин Хайдеггер. *Метафизика немецкого идеализма: к новому истолкованию трактата Фридриха Шеллинга «Философские исследования о сущности человеческой свободы и связанных с нею предметах» (1809)*. Перевод с немецкого А.П. Шурбелёва. СПб.: Владимир Даль, 2024. – 335 с. ISBN 978-5-93615-351-8.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-214-218 УДК 1(091)

Работа Хайдеггера «Метафизика немецкого идеализма: к новому истолкованию трактата Фридриха Шеллинга», соответствует 49-му тому полного собрания сочинений и представляет собой курс лекций, прочитанный философом в первом полугодии 1941 г. во Фрайбургском университете. Летом 1936 г. Хайдеггер уже читал лекции, посвященные работе Шеллинга «О сущности человеческой свободы», и курс 1941 г., посвященный тому же трактату, предназначался для продвинутых студентов[1].

Чем же «новое истолкование» трактата Шеллинга отличается от прежнего? Если курс 1936 г. получился «пролегоменами» к шеллинговому трактату и к самому Шеллингу, был сосредоточен на вопросе свободы, зла и пантеизма, то в обновленном курсе Хайдеггер больше сосредотачивается на проблеме экзистенции, следствием чего является «разбирательство» не только с Шеллингом, но и с самой метафизикой (с. 31). Меняется также контекст разбора Шеллинга: если в лекциях 1936 г. фоном к разбору идей Шеллинга выступают Гегель, Спиноза, Якоби, то в лекциях 1941 г. таким фоном становятся Кьеркегор, Ясперс и даже сама хайдеггеровская работа «Бытие и время», понятая им как «событие в самом Seyn» и веха в истории бытия (с. 46).

Работа состоит из двух частей. Первая представляет собой «разбирательство» с вопросом экзистенции. Во второй части

[1] На это указывает немецкий издатель данного курса лекций Ингрид Шюслер. Лекции Хайдеггера 1936 г., соответствующие 42-му тому собрания сочинений, были опубликованы на русском языке в переводе А.П. Шурбелёва в 2018 г.

© Кода Н.В., 2025

шеллингово различение основы и экзистенции дается в трех ракурсах: Бога, вещей (мира) и человека. Вопрос «становящегося Бога» и пантеизма практически не рассматривается, в отличие от лекционного курса 1936 г.

Хайдеггер применяет по отношению к Шеллингу, во-первых, свой подход деления на историографическое и историческое, и, во-вторых, деление на «расхожее» и существенное мышление. Философ стремится переосмыслить трактат Шеллинга вопреки «расхожему философско-историческому упражнению в чтении» (с. 203) из бытийно-исторического мышления, вопреки «историзму» и «актуализму». С самого начала Хайдеггер объявляет трактат Шеллинга достигающим вершин метафизики немецкого идеализма, и дальнейшее «разбирательство» нацелено на то, чтобы выяснить, что это может означать. Поэтому Хайдеггер пишет, что «*наш путь* истолкования трактата о свободе поначалу кажется окольным путем» (с. 238), но в конечном счете окольные пути для Хайдеггера и являются ведущими.

Первая часть работы сосредоточена на «предварительном размышлении», через которое Хайдеггер подбирается к «ядру» трактата. Обозначив в начале работы трактат Шеллинга как вершину метафизики немецкого идеализма, Хайдеггер возвращается к нему снова только через сотню страниц. К «предварительному» размышлению относится выяснение трактовки экзистенции у Кьеркегора, Ясперса, в «Бытии и времени» и в трактате Шеллинга. Хайдеггеровский анализ трактовок экзистенции заключается в противопоставлении «экзистентного» и «экзистенциального» ее понимания.

«Экзистентное» понятие экзистенции («existenzieller» Existenzbegriff) предполагает такую ее трактовку, которая всё еще принадлежит метафизике и «мыслится из человека», а не из бытия. К ней относится: традиционная, схоластическая интерпретация existentia как «переведения в действительное» (с. 33); понимание экзистенции как истинного «экзистирования перед Богом» (Кьеркегор)[2]; трактовка экзистенции как субъективности

[2] Вектор рассмотрения Хайдеггера в отношении Кьеркегора двойственен. Хайдеггер может признавать «отголосок экзистенции Кьеркегора» в понимании экзистенции «Бытия и времени» (с. 111), но затем резко размежеваться с ним,

бытия самости (Selbstsein) (Кьеркегор, Ясперс, Шеллинг). Согласно Хайдеггеру, на языке новоевропейской философии экзистенция приравнивается к «субъективности» (с. 58).

«Экзистенциальное» понятие экзистенции («existenzialer» Existenzbegriff), данное в «Бытии и времени», «соотносится не с сущей самостью, а с бытием и по отношению к бытию» (с. 62). Отсылки к «Бытию и времени» в данной работе играют особую роль[3]. Переосмысленная через позднефилософские интуиции, эта работа становится методом к «неметафизическому» взгляду на метафизику (с. 70) и нередко применяется как инструмент, призванный разрушить «самопонятность» метафизических моментов в учении Шеллинга (с. 127). В «Бытии и времени» «“сущность” Dasein лежит в его экзистенции», однако не исчерпывается экзистенцией, а «скрывается» в ней. В особенной роли «сокрытия» читается «послеповоротная» интерпретация Хайдеггера. Здесь бытие самости человека не подразумевает субъективность (с. 62), а, наоборот, знаменует собой преодоление «всякой субъективности и любой возможности субъективизма» (с. 79). Dasein не есть нечто «человекоразмерное» (Menschenmäßiges) и «не покрывается человеческим бытием», а превосходит его (с. 94)[4].

Шеллингово понятие экзистенции также не исчерпывается человеком, однако в нём «субъективность» накладывается на любое сущее. На всё сущее накладывается печать «субъекта»: «всякое сущее Шеллинг некоторым образом мыслит как “субъект” в смысле самости и субъективности» (с. 111). Данная черта характерна не исключительно для трактовки Шеллинга, а является общей чертой новоевропейской метафизики (ту же структуру экзистенции Хайдеггер приписывает, например, Лейбницу (с. 120) и Кьеркегору (с. 216)).

как с метафизическим наследием, «неметафизичный» вектор которому дает только «христианское начало», которое упускается в «Бытии и времени» (с. 50).

[3] Хайдеггер раскрывает некоторые моменты из того, что должно было содержаться в неопубликованном третьем разделе первой части «Бытия и времени» (с. 82).

[4] Несмотря на то, что Dasein в «Бытии и времени» повсеместно интерпретируется как «человеческое Dasein».

Вторая часть работы сохраняет вид скорее хайдеггеровского конспекта. Как отметил немецкий издатель 49-го тома Gesamtausgabe Гюнтер Зеубольд, «пришлось сохранить “семинарский стиль” второй части текста» (с. 293). «Разбирательство» не только с трактатом Шеллинга, но и с метафизикой продолжает оставаться ведущей линией: с нее Хайдеггер начинает и заканчивает курс. Почему Шеллинг принадлежит метафизике? Потому что он разделяет новоевропейское истолкование бытия, понимаемое через постоянство, вечность, самоутверждение, безосновность (с. 124). Всё сущее структурировано через различение основания и экзистенции, и всякое сущее у Шеллинга есть субъект, полагает Хайдеггер. В каждом ракурсе: Бога как высшего сущего, вещей как «сотворенных» и человека как субъекта, сохраняется метафизическая онто-теологическая структура. И одновременно с этим в трактате Шеллинга Бог есть экзистирующий (иначе он не был бы Богом) (с. 181), вещам соответствует «изначальная глубинная тяга» (Sehnsucht), и человек как «зародыш Бога» непрестанно экзистирует, включая в себя два разделенных начала. Шеллинговское «различение» оказывается основой единства не только «логического», но и «реального», как неоднократно указывает Хайдеггер. К «неметафизическим» элементам мышления как Шеллинга, так и Кьеркегора, Хайдеггер испытывает особенный интерес и одновременно – особую ревность, поспешно причисляя их к метафизике.

То, что Хайдеггер называет «вершиной метафизики» в 1930-х и 1940-х гг., не исчерпывается исключительно «критическим проектом» по отношению к ней. В бытийно-исторических томах, которые пишутся Хайдеггером параллельно с чтением курсов по Шеллингу, метафизика выступает не только «сферой отрицания», но и тем, что обладает еще нераспознанной необходимостью. Основной задачей оказывается «неметафизический», бытийно-исторический взгляд на метафизику, которому способствуют фигуры философов, причисленные Хайдеггером, как Шеллинг и Ницше, к ее «высшему свершению».

Выполненный на высоком уровне перевод А.П. Шурбелёва сталкивается с рядом трудностей, главной из которых является проблема перевода понятия «экзистенция». Ведь экзистенция фигурирует в 49-м томе также и как экзистенция Кьеркегора,

экзистенция Шеллинга, экзистенция Ясперса. Все это «разные» понимания экзистенции. В самой трактовке хайдеггеровской экзистенции также имеется своя градация («existenzieller» Existenzbegriff, «existenzialer» Existenzbegriff, психологический и онтологический уровни экзистенции и др.). Необходимость подчеркнуть различия между данными пониманиями экзистенции без «расширительного словообразования» составляет сложную переводческую задачу. Данную проблему отмечает и сам переводчик (Послесловие переводчика, с. 334).

Хайдеггеровская оптика накладывает отпечаток на восприятие самого Шеллинга в некоторых переводческих решениях. Например, Existenz из трактата о свободе Шеллинга в контексте осмысления Хайдеггера не совсем корректно переводить как «существование», а Sehnsucht как «стремление», как они представлены в переводе сочинений Шеллинга М.И. Левиной и А.В. Михайлова. А.П. Шурбелёв переводит их как «экзистенцию» и «глубинную тягу», что тоже не является окончательным решением переводческой задачи, учитывая необходимость размежевания между «экзистенцией» Шеллинга и Хайдеггера (Послесловие переводчика, с. 299, 304).

РГГУ **Н.В. Кода**
sokolova-nadya@rambler.ru

Николай Герасимов. *Убить в себе государство. Как бунтари, философы и мечтатели придумали русский анархизм*. М.: Individuum, 2024. – 352 с. ISBN 978-5-907696-92-1.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-218-221 УДК 1(091)

В настоящее время анархистская интеллектуальная традиция прочно закрепилась в умах большинства специалистов по истории русской общественной мысли. Действительно, как

© Ребров С.А., 2025